

Нѣсколько словъ о теософiи. ¹⁾

Свою рѣчь о теософiи начнемъ словами св. Апостола Павла: *Братіе, блюдитесь, да никтоже васъ будетъ прельщая философією и тщетною лестью по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу.* (Кол. 2, 8).

Берегитесь теософiи, потому что она отвергаетъ всякую религію. Последняя, по ея мнѣнію, есть низшая, недостаточная форма познанія. Ко всѣмъ религіямъ теософiя относится критически, избирая изъ каждой изъ нихъ то, что признаетъ въ ней истиннымъ. На мѣсто религіи теософiя желаетъ поставить религіозную философію, „разумную теорію вселенной“. Но религіи никогда не замѣнитъ никакая философія, а тѣмъ болѣе—теософическій эклектизмъ.

Берегитесь теософiи, потому что, разрушая религію вообще, она всецѣло разрушаетъ и христіанство. Для нея Христосъ, Будда, Магометъ стоятъ на одной линіи. По ея взгляду, каждый „адептъ“ или посвященный становится учителемъ мудрости, Христомъ.

Чѣмъ старается прельстить безрелигіозная теософiя? Общаніемъ избавить человѣка отъ страха смерти, который, будто бы, гнетель и мучитъ каждого изъ насъ и дѣлаетъ часто нашу жизнь невыносимою. Какъ же достигается это

¹⁾ Изъ чтенія въ Киевскомъ Православномъ Религіозно-Просвѣтительномъ Обществѣ 9 Сентября 1912 г.

избавленіе? Вотъ что пишутъ теософисты. „То, что мы обыкновенно называемъ жизнью человѣка, есть лишь одинъ день въ его истинной обширной жизни,—одинъ день въ той школѣ, гдѣ онъ влучиваетъ опредѣленные уроки. Но такъ какъ одной природной жизни въ семьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ недостаточно для того, чтобы дать ему возможность выучить всѣ уроки, которые можно извлечь изъ этого удивительнаго міра, и такъ какъ Богъ хочетъ, чтобы онъ выучилъ ихъ въ свое время всѣ,—необходимо, чтобы онъ возвращался снова и снова на землю и проходилъ чрезъ то школьное обученіе, которое мы называемъ жизнями, переходя изъ класса въ классъ, при разнообразныхъ обстоятельствахъ, до тѣхъ поръ, пока *всѣ* уроки не будутъ выучены. А затѣмъ, эта подготовительная работа будетъ окончена, и человѣкъ перейдетъ къ болѣе высокой и болѣе славной долѣ,—къ тому истинно божественному творчеству, для котораго вся земная жизненная школа постепенно подготовила его. Вотъ что называется ученіемъ о перевоплощеніи“, которое „обеспечиваетъ нужное для нашего полнаго развитія время и возможность стать совершенными, какъ совершенъ Отецъ нашъ небесный“¹⁾.

Мы видимъ, какое утѣшеніе предлагаютъ теософы! Не выучилъ урока,—былъ дурнымъ человѣкомъ, пьяницею, развратникомъ,—не смущайся: будетъ тебѣ дана переэкзаменовка. Если ее не выдержишь, опять не падай духомъ: будетъ снова дано тебѣ время для подготовленія урока, пока не выучишь всѣ уроки. „Богъ хочетъ, чтобы ты выучилъ всѣ уроки“. Не подумайте, что здѣсь рѣчь идетъ о Богѣ личномъ, живомъ, Отцѣ небесномъ. Такого Бога теософія не знаетъ, какъ не признаетъ она и другаго неба, кромѣ извѣстныхъ возвышенныхъ состояній духа. Божество

¹⁾ Ч. *Ледбитеръ*. Краткій очеркъ теософіи, Калуга, 1911, стр. 49. 50. 59.

для нея безличная духовная субстанція, все проникающая въ міръ, и міръ является истеченіемъ, выдыханіемъ или эманациею божества. Итакъ — говорятъ теософы — „Богъ хочетъ, чтобы ты выучилъ все уроки“. Но хотимъ ли этого мы? Ученіе теософіи, на ряду съ предполагаемою свободою человѣка, отвѣтственностью за его дѣйствія, проводитъ въ сущности чистый детерминизмъ. Теософія желаетъ идти въ уровень съ естественными науками и она постоянно твердитъ объ эволюціи. Но эта эволюція въ области нравственной превращается въ какую то натуралистическо—пантеистическую эволюцію. Не я собственно желаю выучить „уроки“, а абсолютное постепенно приходитъ къ сознанию себя во мнѣ чрезъ рядъ моихъ перевоплощеній и оно собственно дѣйствуетъ, а не я.

И кого, спрашивается, въ наше время теософы серьезно могутъ убѣдить въ существованіи перевоплощеній человеческой души? Ссылка на вѣрованія древнихъ культурныхъ народовъ не имѣетъ силы, ибо мало ли въ этихъ вѣрованіяхъ всякаго рода лжи и заблужденій. Въ христіанствѣ на это ученіе нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека и только невѣжество можетъ здѣсь привлекать такіа мѣста Евангелія, какъ слова Христа Спасителя объ Іоаннѣ Крестителѣ: „той есть Іилія хотяи прійти“ (Мѣ. 11, 14), „Іилія уже пріиде и не познаша его“ (Мѣ 17, 12). Въ другомъ мѣстѣ ясно говорится, что І. Креститель выступитъ въ духѣ и силѣ Іиліи (Лук. 1, 17), а дѣйствовать въ духѣ и силѣ другого не значить, конечно, что этотъ другой вновь входитъ своею личностью въ бытіе, или перевоплощается. Кто знакомъ съ твореніями Оригена, Климента Ал., тому покажется въ высшей степени несообразнымъ утвержденіе теософовъ, что эти учителя церковные не чужды были ученія о душепереселеніи. Невозможно также здѣсь привлекать—что дѣлаютъ теософы, напр. г-жа Каменская—Гегель, Фихте, Канта, Шеллинга и др.¹⁾

¹⁾ Что такое теософія, Калуга, 1912, стр. 5.

Наличъ внутренній опытъ, наше сознаніе подтверждаетъ ли существованіе перевоплощенія? Чувствуемо ли вы свои прежнія существованія? Нѣтъ, не чувствуемъ. А если теософы говорятъ, что чувствуютъ, то они впадаютъ здѣсь въ тотъ оккультизмъ, отъ котораго многіе изъ нихъ всячески желаютъ обособиться. Я живо помню свое дѣтство, свои студенческіе годы, начало своей службы, но никакъ я не могу припомнить, что моему дѣтству уже предшествовало какое то другое дѣтство, что служба дается мнѣ сравнительно легко потому, что я уже когда то служилъ въ другомъ своемъ бытіи, что я потому сравнительно легко усвою языки, что когда то, при другомъ своемъ воплощеніи, немного съ ними ознакомился. Напрасно теософы ссылаются въ данномъ случаѣ на законъ наслѣдственности, ибо ни одинъ современный психологъ не будетъ возводить наслѣдственность къ странствованіямъ души, и гений не есть продуктъ этихъ длинныхъ странствованій.

Г-жа Каменская ученіемъ о перевоплощеніи думаетъ разрѣшить такую проблему. Однѣ души рождаются „въ трущобѣ, среди ужаса, разврата и нищеты“, а другія — въ благоприятныхъ условіяхъ. Гдѣ же справедливость? Теософія отвѣчаетъ: „во свѣтѣ древняго ученія о перевоплощеніи и о кармѣ всѣ загадки жизни, самыя запутанныя, сложныя и мучительныя, разрѣшаются удовлетворительнымъ образомъ. Во свѣтѣ этого ученія самая жизнь превращается въ великую школу, въ которой люди переходятъ съ одной ступени на другую, не переставая учиться, и въ которой всѣ затрудненія и всѣ бѣдствія суть испытанія, трудныя задачи, которыя мы должны разрѣшить, — экзамены, которые мы должны сдавать снова и снова“¹⁾. Вотъ и успокоеніе! Спрашивается, почему же одинъ рождается въ трущобѣ, а

---

¹⁾ Что такое теософія, стр. 13. 14.

другой—среди благоприятныхъ условій? Почему родившійся въ неблагоприятныхъ условіяхъ долженъ выдержать больше экзаменовъ, чѣмъ другой, имѣющій всѣ благоприятныя условія для своего развитія? Или тутъ дѣйствуетъ неумолимый законъ кармы? Или этотъ законъ кармы повлекъ за собою то, что я, жившій уже раньше, родился въ труппѣ, среди ужаса и разврата?.. Страшнымъ фатализмомъ вѣетъ отъ всей этой кармы, хотя его желаютъ прикрыть закономъ свободы, отвѣтственности за свои дѣйствія.

Теософія гордится тѣмъ, что она дастъ научную теорію жизни, основанную на эволюціи. Хочешь, не хочешь, а ты долженъ идти впередъ, и въ концѣ концовъ ты достигнешь цѣли. Будетъ у тебя, пожалуй, много экзаменовъ и переэкзаменовокъ; но въ концѣ концовъ ты выучишь всѣ уроки. Ахъ! Какъ это утѣшительно!.. Я значить простая игрушка въ рукахъ какого то абсолютнаго. Не сложить ли мнѣ совершенно руки? Вѣдь все равно переэкзаменовокъ, при всѣхъ стараніяхъ въ этой одной моей жизни, не избѣжишь, а меньше ли ихъ будетъ или больше—это не такъ важно: конецъ, вѣдь, будетъ благоприятный. Изъ перво-бытнаго состоянія человѣкъ дошелъ путемъ перевоплощеній до настоящаго своего бытія. Возвысится онъ постепенно и до состоянія „адепта“, т. е. посвященнаго: абсолютное въ немъ неустанно работаетъ.

Ужасомъ и холодомъ вѣетъ отъ этой теософической морали, хотя она гордится тѣмъ, что приноситъ человѣку радость, счастье и успокоеніе. Не нравственную энергію она вливаетъ въ нашу душу, а какое то нравственное разслабленіе, нравственную апатію. Люди, ведущіе развращенную жизнь, могутъ спокойно утѣшаться себѣ тѣмъ, что имъ будетъ дана новая жизнь, своего рода переэкзаменовка и тогда они исправятся. Какъ бы они ни были испорчены, въ концѣ концовъ абсолютное въ нихъ всецѣло достигнетъ своей цѣли.

Нравственная жизнь—дѣло свободы, и если ее желаютъ превратить въ какую то натуральную цѣль причинъ и слѣдствій (законъ кармы), то эта жизнь погибаетъ. Мораль утверждается на религіи, и если религію изгоняютъ и желаютъ ее замѣнить какимъ то необходимымъ закономъ развитія абсолютнаго, то человѣкъ становится только феноменомъ этого безличнаго абсолютнаго. Натурализмъ, соединенный съ оккультическимъ ученіемъ о перевоплощеніяхъ,—такова опора теософической морали.

Мы настойчиво утверждаемъ, что теософія съ своею натуральною эволюціею, перенесенною въ область морали можетъ приводить къ полному нравственному расслабленію, къ такъ называемому нравственному ляписизму. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, нужды подавлять свои страсти, дурныя пожеланія; они сами собою потухнутъ. Послушайте, что пишутъ теософы о посмертномъ состояніи человѣка. „Мысли и желанія, которыя онъ (т. е. человѣкъ) поддерживалъ во время земной жизни, принимаютъ форму живыхъ существей, витающихъ вокругъ него и они воздѣйствуютъ на него до тѣхъ поръ, пока энергія, которую онъ имъ сообщилъ, не истощится“ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ: „единственно, что умершій человѣкъ потерялъ, это возможность удовлетворять свои страсти, которыя мучатъ и грызутъ его, ненасытныя и не могущія быть удовлетворенными. Изъ этого можно усмотрѣть, что такое посмертное состояніе и есть самый настоящій адъ, но адъ только временный, потому что съ теченіемъ времени страсти погасаютъ, израсходовавъ всю свою энергію въ томъ страданіи, которое вызвано ими“ ²⁾. Итакъ, будьте спокойны: все обстоитъ благополучно. Нѣтъ ни неба, ни ада, о которыхъ говоритъ вамъ религія, а существуютъ только ваши состоянія,—то неизмѣнныя, то

¹⁾ Ч. Лебвишевъ, Краткій очеркъ теософіи, стр. 74.

²⁾ Ibid. стр. 76.

возвышенныя. Нѣскольکو, правда, помучитесь отъ неудовлетворенности своихъ страстей, но затѣмъ онѣ сами собою потухнутъ, какъ и вообще вы потухнете въ „нирванѣ“.

Такъ, теософія расслабляетъ моральное чувство человѣка. Она ведетъ безконечно сладкія рѣчи о добрѣ, о прогрессѣ, о любви къ человечеству, но всѣ эти рѣчи построены на натуралистической эволюціи, исключаящей свободу и дѣйствительную отвѣтственность человѣка за свои дѣйствія.

Теософія представляетъ какую то странную амальгаму разныхъ ученій, которая удовлетворить человѣка никогда не можетъ. *Теософическая иносоологія* съ ясновидѣніемъ адептовъ, съ различными предполагаемыми вибраціями различныхъ видовъ матеріи, въ высшей степени туманна и неопредѣленна и не можетъ претендовать на какое нибудь научное значеніе.

Октологія теософовъ съ ихъ ученіемъ о различіи „между Богомъ, какъ безконечнымъ бытіемъ и раскрытіемъ этого бытія чрезъ проявленнаго Бога“¹⁾, ничѣмъ не можетъ быть подтверждена и напоминаетъ древнее гностическое ученіе о диміургѣ. *Антропологія* ихъ, утверждающая, что душа обладаетъ „различными проводниками возрастающей плотности“, посредствомъ которыхъ она стоитъ въ общеніи съ цѣлымъ рядомъ міровъ, окружающихъ насъ, приближаетъ явно теософію къ оккультизму. Антропологическіе вопросы теософіи рѣшаетъ на основаніи кѣкихъ то „новыхъ теософическихъ линій“. Въ какомъ великомъ контрастѣ этотъ оккультизмъ стоитъ съ натурализмомъ теософической мудрости! Оккультизмъ и своего рода дарвинизмъ! Какое сочетаніе!... Послушайте, какъ на основаніи своего ясновидѣнія могутъ спокойно фантазировать теософы. „Если мы—говорятъ они—возьмемъ средняго культурнаго человѣка изъ

1) Ч. Ледбитеръ, стр. 26. 27.

высшей расы, то продолжительность одной жизни, или, вѣрнѣе, одного дня изъ его истиннаго бытія равняется въ среднемъ 1,500 годамъ. Изъ этого періода около 70 или 80 лѣтъ будутъ проведены въ физическомъ мірѣ, около 15 или 20— на астральномъ планѣ, остальное время придется на долю существованія въ небесномъ мірѣ, которое представляетъ такимъ образомъ наиболѣе важную часть изъ всего человѣческаго существованія. Конечно, эти пропорціи значительно мѣняются для различныхъ человѣческихъ типовъ, въ особенности, когда начнемъ разсматривать болѣе молодыя души, воплощенные или въ низшихъ расахъ, или въ низшихъ классахъ нашей собственной расы. По отношенію къ нимъ эти пропорціи вполне измѣнятся, ибо для нихъ астральная жизнь значительно удлиняется, а пребываніе въ небесномъ состояніи дѣлается много короче¹⁾. Такъ пишутъ тѣ, которые желаютъ идти въ уровень съ современною естественною наукою. Они точно знаютъ, сколько и на какомъ „планѣ“ человѣкъ будетъ жить.

Можно сказать, что теософія старается прельщать тѣмъ, чѣмъ прельстилъ нашихъ праотцовъ змій въ раю: „вы будете, какъ боги“ (Быт. 3, 3). И теософія говоритъ, что каждый, путемъ перевоплощеній, можетъ стать Буддою, Христомъ. Божественная сущность возвращается (къ себѣ) „въ образѣ тысячи могучихъ аделтовъ, изъ которыхъ каждый способенъ развить въ себѣ свойства будущаго (?) Творца“²⁾. И „это полное величія будущее предоставлено всѣмъ безъ исключенія“³⁾. „Божественная воля безконечно сильнѣе, чѣмъ какое бы то ни было человѣческое хотѣніе и великій божественный планъ *долженъ* быть выполненъ въ совершенствѣ. Человѣкъ, который не выучилъ свой урокъ

¹⁾ Ч. Ледбитеръ, стр. 118. 119.

²⁾ Ч. Ледбитеръ, стр. 95.

³⁾ Ibid., стр. 95.

въ первый разъ, долженъ снова и снова приниматься за него, пока, наконецъ, не выучить его вполнѣ¹⁾. Опять слышится: можешь задержать эволюцію своею безпорядочною жизнью, но не имѣй ни страха, ни колебанія: „рано или поздно каждое человѣческое существо достигнетъ цѣли, предназначенной для него“²⁾.

Въ теософіи меньше всего христіанства и больше всего натуралистическаго пантеизма, мертвящаго буддизма. „Старайся—говорятъ—помогать эволюціи! Эта тема различно варьируется. Тутъ рѣчь о добрѣ, о злѣ, о необходимости всячески содѣйствовать прогрессу. Но къ чему, естественно можетъ кто спросить, помогать мнѣ этой эволюціи, когда она совершается неумолимо, я полный ея рабъ, и рано или поздно абсолютное достигнетъ во мнѣ совершенства.

Св. Апостолъ предостерегаетъ колосскихъ христіанъ отъ „философіи“. Здѣсь не имѣется въ виду философія въ собственномъ смыслѣ, которая и въ христіанствѣ имѣетъ великое значеніе, а разумѣется колосская теософія. И колоскіе теософы искали какой то особенной мудрости и гордились предъ другими приобрѣтеніемъ ея. Они отвергали Божество Христа Спасителя, не считая Его главою Церкви, они признавали между Богомъ и міромъ рядъ посредствующихъ существъ, и служили этимъ ангеламъ-посредникамъ. Они гордились своимъ ясновидѣніемъ, вторгаясь въ ту область, въ которой они ничего не видѣли (Колос. 2, 18). И св. Апостолъ всячески предостерегаетъ христіанъ отъ обольщенія этою колосскою теософіею.

И въ наше время настойчиво нужно предостерегать отъ теософическихъ ясновидѣній.

Если желаете имѣть Бога живаго, Отца Небеснаго, Творца и Промыслителя, спасающаго, милующаго и караю-

¹⁾ Ibid., стр. 97.

²⁾ Ibid., стр. 97.

шаго, дающаго намъ свою благодать, то остерегайтесь теософіи.

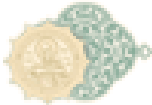
Вы любите Христа, Сына Божія, Спасителя и Искупителя міра, кровью Своею насъ омывшаго отъ грѣховъ нашихъ, а потому не прельщайтесь теософіею.

Вы члены Церкви—Тѣла Христова, вы имѣете благодатныя таинства, вы вѣрите въ судъ, мздовоздаяніе, второе пришествіе Господа, воскресеніе мертвыхъ, а потому не обольщайтесь теософіею.

Если желаете сохранить нравственную свободу, если не хотите терять нравственной энергіи въ пустомъ самообольщеніи, что рано или поздно вы всетаки достигнете совершенства, то берегитесь теософіи. Страшны теософамъ слова Апостола: „человѣкомъ положено однажды умереть, а потомъ—судъ“ (Евр. 9, 27) „всѣмъ намъ должно явиться предъ судилище Христово, чтобы каждому получить, соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое“ (2 Коринт. 5, 10), но эти слова—откровенная истина, истина безусловная.

Любятъ теософисты ссылаться иногда на мѣста Писанія, но эти же слова и въ корнѣ разрушаютъ ихъ ученіе. Къ чему намъ какаято теософическая мудрость, когда Христость „содѣлался для насъ премудростью отъ Бога, праведностью, и освященіемъ, и искупленіемъ“ (1 Коринт. 1, 30). Обличая колосскую теософію, Апостоль говоритъ, что во Христѣ „сокрыты всѣ сокровища премудрости и вѣдѣнія“ (Колос. 2, 3). Эта премудрость дается не какимъ то „посвященнымъ“, или adeptамъ, а Апостоль проповѣдуетъ Христа, „вразумляя *всякую* человѣка и научая *всякой* премудрости, чтобы представить *всякую* человѣка совершеннымъ во Христѣ Иисусѣ“ (Колос. 1, 28).

Теософія любитъ гордиться своимъ оптимизмомъ. Но какой это оптимизмъ, чѣмъ онъ достигается, мы уже видѣли раньше. И христіанство, замѣтимъ, вовсе не пессимъ.

мистично. Оно говоритъ о конечномъ торжествѣ добра, правды, свѣта, истины; исторія человѣчества есть постепенное преодоленіе царствомъ Божиимъ царства тьмы. Но торжество добра вовсе не исключаетъ существованія тѣхъ, кто служилъ злу, т. е. злыхъ. Иначе и быть не можетъ, если существуетъ нравственная свобода, нравственное самоопредѣленіе,—если нравственное развитіе не совершается съ такою необходимостью, „съ какою сѣмя травы даетъ траву, а сѣмя дуба даетъ дубъ“¹⁾. Страшилищемъ для теософіи является вѣчность мученій; отъ этого страха, какъ мы видѣли, теософисты считаютъ себя избавленными. Но за то они избавлены и отъ подлинныхъ духовныхъ радостей: нѣтъ ада, но за то нѣтъ и неба, нѣтъ личнаго Бога, нѣтъ личнаго безсмертія и жизнь, по закону кармы, превращается въ какое то странствованіе, необходимо ведущее къ сліянію съ абсолютнымъ. Не знаютъ теософисты внутреннихъ необычайныхъ переживаній въ жизни человѣка, не знаютъ по истинѣ чудеснаго обновленія, возрожденія.

„Не обманывайтесь: Богъ поругаемъ не бываетъ“ (Гал. 6, 7). Теософія, отвергающая религію, отвергающая христіанство, сама себя убиваетъ: не мудрость она даетъ человѣку, а на мѣсто откровенной истины преподноситъ ему свою жалкую религіозную философію, именующую себя „разумною теоріею вселенной“.

Прот. Д. Богдашевскій.

---

¹⁾ Законъ причинъ и послѣдствій, объясняющій человѣческую судьбу (карма). Калуга, 1911, стр. 2.